

**Титаренко И.Н. Теория прогресса Лукреция: современный взгляд
// Научная мысль Кавказа. 2003. №2. С. 29-34.**

**ТЕОРИЯ ПРОГРЕССА ЛУКРЕЦИЯ:
СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД**

И.Н. Титаренко

-[29]-

Более двух с половиной тысяч лет человечество обращается к мудрости древних греческих и римских мыслителей, пытаясь понять оставленное нам духовное наследие античности, всякий раз обретая опыт современного прочтения казалось бы давно известных философских истин. И при каждом таком обращении вновь и вновь возникает вопрос, стоит ли, нужно ли, имеет ли практический смысл опять возвращаться к рассмотрению античных авторов? Ведь прошлое не может полностью объяснить настоящее и, как сказано в известной арабской пословице, «люди больше походят на свое время, чем на своих отцов». Думается, что стоит, поскольку, как отмечал Ж. Мишле, «кто будет придерживаться только настоящего, современного, тому не понять современного» [1]. Никогда не вредно начать с прошлого, объясняя более близкое более далеким, находя истоки современных явлений в событиях прошлого. Однако при этом не следует забывать, что современная действительность накладывает существенный отпечаток на наше понимание древних авторов, обеспечивая нам перспективу целого, исходя из которой, мы смотрим на прошлое. Выдающийся французский историк двадцатого века М. Блок в своей работе «Апология истории, или Ремесло историка» писал:

«Незнание прошлого неизбежно приводит к непониманию настоящего. Но, пожалуй, столь же тщетны попытки понять прошлое, если не представляешь настоящего» [2]. Вот поэтому чрезвычайно плодотворным может оказаться современный взгляд на Лукреция, позволяющий уловить не всегда очевидные интонации и те смыслы, которые далеко еще не полностью открыты, найти параллели современного культурного состояния и далекого от нас периода падения Римской республики.

Время жизни Лукреция (99-55 гг. до н.э.) стало для Рима эпохой гражданских войн, в том числе и диктатуры Суллы, проскрипций, восстания под руководством Спартака, заговора Катилины. Это было время перехода от республики к империи, которое характеризовалось кровавыми событиями и трагическими потрясениями. В этот период уходили в прошлое ценности республиканского Рима, в том числе и традиционные римские доблести. Римские граждане все чаще искали случай уклониться от политической активности, взяв за жизненную основу наставления тех философских школ, которые призывали к уединению и безмятежности, учили находить счастье в текущем дне и в дружеских отношениях. Как на основу рационального устройства жизни смотрит на эпикурейскую доктрину и Лукреций: философия для него уже не отвлеченное знание, но практическая ценность.

Вместе с тем в это время, как никогда ранее, проявилось ощущение трагизма и беззакония эпохи, без которого невозможно полное понимание идей Лукреция. С удивительной силой это ощущение повлияло на теорию прогресса, изложенную римским философом в пятой книге поэмы «О природе вещей» и наиболее отчетливо отразившую ту трансформация эпикуреизма, которая произошла в Древнем Риме.

Проповедуя невмешательство богов в жизнь природы и общества, римский философ не приемлет и мифов о творении человека и о том, что

возникновением языка, ремесла, искусства, государства люди могут быть обязаны богам. Поэтому он достаточно подробно описывает процесс порождения людей самой природой. Из всех материальных стихий римский философ выделяет землю, содержащую, по его мнению, наибольшее количество самых разнообразных первоначал, что и объясняет ее способность порождать многочисленные формы жизни: «...многих вещей в ней содержатся первоначала. Может на свет выводить она многое способом разным» [3, II, 653-654]. Именно от земли произошел и человеческий род [3, V, 821-823]. Лукреций описывает, как в пору своей молодости земля породила укорененные в ней утробы, из

-[30]-

которых, «созрев в урочное время», выходили младенцы [3, V, 807-809]. Материнское лоно природы источало сок, подобный молоку кормящей женщины, который служил пропитанием для родившихся таким образом младенцев. Юная природа не посылала тогда ни жары, ни ветров, ни холода, что создавало благоприятные условия для жизни человеческого рода. Первые люди питались ее дарами, не зная еще земледелия, скотоводства, ремесла.

Характерно, что Лукреций отделяет естественное состояние человечества от его общественно-государственного состояния, поскольку первые порожденные землей люди жили и охотились поодиночке, не ведали общего блага, обычая и закона, но не знали и губительных войн [3, V, 958-959]. Предпосылкой создания государства стала семья, а первой формой объединения людей – договор о дружбе и взаимопомощи между соседями [3, V, 1019-1020]. Теория договорного происхождения государства была свойственна и Эпикуру, утверждавшему, что «справедливость не существует сама по себе; это – договор о том, чтобы не причинять и не терпеть вреда,

заключенный при общении людей...» [4]. Однако в трактовке договорного возникновения государства Лукреций опирается и на собственно римскую традицию, широко используя юридическую терминологию и предания о римских царях, рассказывая о первичной царской власти, убиении царей и наступившей вслед за этим смуте:

По убиеньи царей ниспровергнуты в прахе лежали

Гордые скипетры их и бывшее величие тронов [3, V, 1134-1135]...

Вполне определенно прослеживается свойственное римскому праву представление о выражении в законах «общего блага», о наличии в праве народов норм не только писаного (*lex*), но и обычного права (*mos*) и т.д.[5]

В процессе своего развития, люди, руководствуясь нуждой (*usus*), опытом (*experientia*) и разумом (*ratio*) [3, V, 1452-1455], начали постепенно делать различные открытия, направленные на обеспечение их существования. Так они изобрели жилье, научились добывать огонь трением и использовать шкуры для одежды. Одновременно с возникновением семьи и первых общественных связей возник язык, который эволюционировал от эмоциональных аффективно обусловленных звуков к членораздельной разумной речи [3, V, 1028-1032; 1078-1090]. Затем человечество научилось обрабатывать металлы, что привело к возникновению металлургии [3, V, 1241-1349]. Вскоре как подражание природе появились искусства. Идея мимесиса, лежащая в основе понимания Лукрецием происхождения искусства, с очевидностью перекликается с идеями Демокрита и Эпикура. Так, Лукреций указывает на то, что музыка и пение возникли из подражания пению птиц и другим звукам природы:

Звонкому голосу птиц подражать научились устами

Люди задолго пред тем, как стали они в состояньи

Стройные песни слагать и ушам доставлять наслажденье.

Свист же Зефира в пустых стеблях камышовых впервые

Дуть научил поселян в пустые тростинки цевницы [3, V, 1379-1383].

Этот отрывок явственно перекликается с отрывком Демокрита: «путем подражания мы научились от паука ткачеству и штопке, от ласточки – постройке домов, от певчих птиц – лебедя и соловья – пению» [6]. Подобным же образом можно обнаружить прямые параллели между Лукрецием и Демокритом при объяснении происхождения религии [3, V, 1188-1193 и 6, 581]. Все это свидетельствует о возможном прямом (а не опосредованном через Эпикура) влиянии идей Демокрита на представления римского философа [7]. На пути дальнейшего прогресса ремесла и искусства люди изобретают письмо, земледелие, скотоводство, судостроение, строят города и крепости.

У Лукреция, как и у Демокрита и Эпикура, люди учатся жить, изобретая ремесла и искусства, собственными усилиями без божественного вмешательства и под действием нужды, опыта и разума:

Жизни удобства и все, что способно доставить усладу:

Живопись, песни, стихи, ваянье искусное статуй –

Все это людям нужда указала и разум пытливый

Этому их научил в движеньи вперед постепенном [3, V, 1450-1453].

-[31]-

В этом отрывке – квинтэссенция всего учения о социальном развитии человечества. Во-первых, Лукреций убежден в прогрессе науки, искусства, ремесла, указывая на постепенное движение вперед. Во-вторых, чрезвычайно важным является указание на нужду и разум как движущие причины такого развития. Я.М. Боровский отмечает, что, называя именно такие движущие силы развития общества, римский философ забывает изначальную

механическую причинность [5, с. 467] Действительно, в теории прогресса нет каких-либо акцентов на атомистических идеях, и Лукреций уходит от трактовки человека как простого сочетания атомов, даже не пытаясь применять в данном случае атомистическую терминологию. Вследствие этого теория исторического прогресса у Лукреция с точки зрения его атомизма «повисает в воздухе» [8]. Человек здесь выступает уже не как результат произвольного сцепления атомов, а как вполне сознательная личность, движимая не только нуждой, но и «пытливым разумом» [3, V, 1452]. Так, описывая необходимость договора между людьми, Лукреций фокусирует внимание читателя не только на нужде, но и на необходимости обеспечить защиту слабым против произвола сильных, что свидетельствует о сострадании к слабым или даже, по мнению А.Ф. Лосева, о некотором альтруизме, свойственном первобытным людям и о присутствующем у них «привольном эстетическом ощущении» [8, с. 293-294]. В результате человек при описании общественно-исторического развития выступает у Лукреция в качестве самостоятельного деятеля, и организующей силе его разума принадлежит решающее значение в культурных завоеваниях человечества [9]. Он не только побуждаем нуждой, но и способен действовать из свободного устремления духа (*animi iactus liber*) к свободному познанию природы [3, II, 1047].

Однако не только в этом специфика представлений Лукреция. Еще больший интерес представляет анализ сущности происходящих в природе и обществе изменений, сопутствующих прогрессу ремесла, науки и искусства.

Если в период первобытной юности мира у человека в силу богатства природных ресурсов было достаточно средств к существованию, то со временем мир стареет, и силы земли иссякают:

Но потому, что рожать без конца никому не возможно,

Стала неплодной она, утомившись, как жены, с годами [3, V, 826-827].

Человеку становится жить все труднее, и все его социальные завоевания оказываются по сути своей стремлением восполнить и компенсировать утраченное изначально богатство природы:

Мы изнуряем волов, надрываем и пахарей силы,
Тупим железо, и все ж не дает урожая нам поле, -
Так оно скупо плоды производит и множит работу.
И уже пахарь-старик, головою качая, со вздохом
Чаще и чаще глядит на бесплодность тяжелой работы,
Если же с прошлым начнет настоящее сравнивать время,
То постоянно тогда восхваляет родителей долю.
И виноградарь, смотря на тщедушные, чахлые лозы,
Век злополучный клянет и на время он сетует горько... [3, II, 1161-1169]

Оказывается, что прогресс в ремесле протекает на фоне чудовищного и неизбежного общего регресса мира, идущего к собственной неминуемой гибели, а усилия человека, его свободного разумного устремления ничтожны и не могут изменить вектор общемирового процесса. «Ведь разрушается все, что меняется, следственно – гибнет (*Quod mutatur enim dissolvitur, interit ergo*)» [3, III, 756].

Сегодня никому не нужно доказывать, что природа скудеет: человечество, помнящее об энергетическом и экологическом кризисе, хорошо знает цену технического прогресса и стремления к неумемному удовлетворению собственных потребностей. Уже сейчас более миллиарда человек ощущает острую нехватку питьевой воды, а сельское хозяйство истощает почву в 30-40 раз быстрее, чем она способна восстановиться. Сможет ли восполнить все это человек нашего времени, искушенный в науках и ремеслах?

Как заметил Й. Хейзинга, «никогда прежде человек не сознавал столь же ясно, как теперь, повелительную необходимость сообща трудиться над сохранением и совершенствованием земного благополучия и культуры» [10]. Но эта необходимость, к сожалению, является неизбежным следствием многовекового бездумного и бездушного отношения к природе, ведь существо современного технического существования как раз и состоит в том, что «человек Интимное (Geheimnis) природы в ходе производства выводит наружу и обращает в наличность расхожего употребления, потребления, истребления» [11]. Человеку нечего ждать от природы после того, что он с ней сделал, и его будущность будет зависеть от способности ощутить природу как свое интимное, требующее бережного отношения. Может быть, поэтому сегодня ощущается особый трагизм в словах Лукреция об оскудении природы и о тяжком труде людей, который стремится восполнить утраченное, потерянное природное богатство.

Помимо этой трагической убежденности в деградации природы, Лукреций понимал и то, что человечеству далеко не всегда удастся согласовать материальные и нравственные ценности. Более того, по его мнению, прогресс в ремесле, науке, искусстве сопровождается одновременным моральным регрессом человечества. И здесь невольно вспоминаются слова Г. Марсея о том, что чистый научный и технический прогресс не в силах сам по себе способствовать установлению между людьми согласия, без которого невозможно никакое счастье, заслуживающее такого названия [12]. Прогресс науки и техники, который не влечет за собой прогресса духовности – это типичное явление современного общества, в котором ликующий девиз буржуазной эпохи «Знание – сила», все более и более приобретает зловещее звучание [10, с. 287]. Как ни удивительно, все это

прекрасно понимал Лукреций, живший в кризисный период крушения Римской республики. Подлинная моральная катастрофа – вот оценка, данная римлянином в I в. до н.э. состоянию собственного государства, полного гнусности, преступлений, наглых речей [3, V, 1224].

Денег алчба, наконец, и почестей жажда слепая
Нудят несчастных людей выходить за пределы закона
И в соучастников их обращают и в слуг преступлений,
Ночи и дни напролет заставляя трудом неустанным
Мощи великой искать. Эти язвы глубокие жизни
Пищу находят себе немалую в ужасе смерти [3, III, 59-64].

Уже в описании возникновения металлургии и совершенствования человека в обработке металла, Лукреций отмечает, что это привело также и к таким негативным последствиям как усовершенствование оружия и ужесточение войн. При этом Лукреций склонен возложить за это вину на человеческий род: «...трудно поверить, что люди были не в силах умом постичь и предвидеть заранее гнусности этого зла, угрожавшего сделаться общим» [3, V, 1341-1343]. Стремление к роскоши, к «золоту и пурпуру», невоздержанность, жажда наживы – все это является характеристикой современного Лукрецию римского общества, отравляет жизнь людей заботой и порождает войны. Эти идеи о моральном регрессе будут потом многократно повторены в различных культурно-исторических контекстах – Вергилием, христианством, мусульманством, Руссо... Вот только выходы из такой печальной ситуации всякий раз будут предлагаться разные.

Лукреций же обращает свой взгляд к древности, когда «народ, благочестия полный, в древности жизнь проводил беззаботно, довольствуясь малым» [3, II, 1170-1171]. В отличие от этого, современный человек, по мнению Лукреция,

...понапрасну и тщетно хлопочет,
Вечно в заботах пустых проводя свою жизнь бесполезно
Лишь оттого, что не ведает он ни границ обладанью,
Ни предела, доколь наслаждение истое длится [3, V, 1430-1433].

Постоянный возврат к прошлому как к некоторому идеальному состоянию, когда люди довольствовались малым, это во многом следствием той социальной ситуации, в которой жил и работал римский философ. Это был переломный период падения республики, который для современников виделся «концом све-

-[33]-

та». Огонь гражданских войн терзал Италию, не только испепеляя землю, но и ломая людские судьбы. И если сегодня возможно говорить о закономерности перехода от республики к империи, то для современников такое преобразование государства казалось гибельным, а разрушающаяся и уходящая в прошлое республика – единственно возможной и правильной формой государственного устройства, где «и в мирную и в военную пору процветали добрые нравы. Единодушие было постоянным, своекорыстие – до крайности редким. Право и благо чтити, повинуюсь скорее природе, нежели законам. Брань, раздоры, ненависть берегли для врагов, друг с другом состязались только в доблести» [13]. Как представлялось многим образованным римлянам, в эпоху падения республики верность, бескорыстие и благочестие сменились высокомерием, жестокостью, жадной денег и власти. Не случайно у Лукреция часты намеки на современные ему события – проскрипции Суллы, триумvirаты, появление личных войск полководцев, предвыборную борьбу и т.д. [3, II, 40-43; II, 50; III, 59-86; V, 1007-1010; V, 1222; V, 1129]. В такое время с трудом верилось в прогресс человечества.

Вероятно, поэтому находившийся в рамках римского менталитета Лукреций, начиная с демокрито-эпикурейской теории прогресса, присоединяет к ней совершенно не свойственные Демокриту и Эпикуру идеи об одновременном моральном регрессе человеческого рода.

Если говорить о теоретических предпосылках такого соединения, то необходимо вспомнить о существовании оппозиционной демокрито-эпикурейской линии в трактовке развития человечества, идущей от Гесиода. Это так называемая теория пяти веков, согласно которой лучшим был лежащий в глубокой древности золотой век человечества, а все последующие – серебряный, медный, бронзовый, железный – были гораздо хуже, характеризуясь постепенной деградацией как самой природы, так и человечества в целом:

Землю теперь населяют железные люди. Не будет
Им передышки ни ночью, ни днем от труда и от горя,
Заботы тяжелые боги дадут им [14].

Вывод о знакомстве Лукреция с теорией Гесиода позволяет сделать то обстоятельство, что в своей теории прогресса римский философ связывает этапы в развитии человеческого общества с освоением различных металлов (золота, серебра, меди, свинца, железа) и изготовлением из них орудий труда и оружия [3, V, 1241-1307]. Он, вероятно, совмещает линию прогресса, идущую от Демокрита и Эпикура, с гораздо более древними идеями Гесиода, тем более, что опыт такого совмещения уже имелся, но только в рамках стоической школьной традиции. Так, представитель Средней Стои Посидоний, насколько можно судить об этом по свидетельствам Сенеки, утверждал, что материально-техническому прогрессу сопутствовал упадок нравов [15]. Вряд ли стоит предполагать, что Лукреций «присоединил к демокрито-эпикуровской линии еще и гесиодовскую теорию регресса, сам не

отдавая себе в этом полного отчета» [8, с. 301]. Думается, что более вероятным было бы предположить осознанность подобной трансформации эпикурейских идей, особенно если принять во внимание огромную популярность в Риме учения Посидония, являвшегося современником Лукреция. Кроме того, такое видоизменение эпикурейской доктрины было обусловлено не только социально-политическими событиями, но и свойственным римскому мировоззрению стремлением к синкретичному объединению идей различных философских школ.

Будучи восторженный почитателем Эпикура и его достаточно преданным последователем, Лукреций, тем не менее, самостоятелен во взглядах на социальную жизнь. Для Эпикура цель жизни состояла в уходе от государственно-политической деятельности: «мудрец не будет заниматься государственными делами», сохраняя тем самым бестревожность [4, X, 119; X, 87]. Напротив, Лукреций очень эмоционально реагирует на события современной ему общественно-политической жизни, доходя при описаниях нравственной порчи знатного римского общества и кровавых ужасов войны до экстатических состояний. Оставаясь эпикурейцем, он проповедует безмятежность и покой человека, наблюдающего тревоги и опасности этой жизни издалека, но сам-то он наблюдает за ними не равнодушным взглядом эпикурейского мудреца, а взглядом истинного гражданина Рима. Все это делает проповедь

-[34]-

отхода от гражданской активности у римского поэта еще более драматичной. В его идеях парадоксальным образом сочетается понимание необходимости преодолеть порочность мира и осознание бессилия и ничтожности отдельной личности, возмущение нравственной деградацией общества и проповедь

индивидуалистического ухода в собственный духовный мир. Эти взгляды Лукреция в значительной степени повлияли на мировоззрение римских поэтов «золотого века» - Вергилия, Горация, Овидия. Полное же объединение линий, идущих от Гесиода и Демокрита, произойдет у христианского неоплатоника IV-V вв. Немезия, по теории которого человечество, изначально пребывавшее в условиях первозданного рая, утратило его в результате грехопадения, оказавшись перед необходимостью в постоянных трудах и заботах зарабатывать насущный хлеб свой. Возвращение утраченной первозданной чистоты и искупление грехов человечества возможно только в результате божественного вмешательства [16].

Конечно, Лукреций, был несколько наивен в своем стремлении возвратиться к нравам предков и возродить старинное римское благочестие. Но он был не одинок в призывах вернуться к устоям прошлого: за много столетий до него именно так поступил Конфуций, а спустя многие века после него к «возврату» будет призывать Руссо.

Не менее актуально эта тема звучит и сегодня: нельзя презирать и недооценивать прошлое не нужно, ибо оно может преподать нам поучительные уроки. Лукреций словно взывает к нам из прошлого, призывая задуматься о мастерстве, технической искушенности и высокой морали, без которой не будет высокой культуры. «Оглянись, человек умелый, искушенный мастер, помедли в недоумении!» [11, с. 330]

ЛИТЕРАТУРА

1. Мишле Ж. Народ. М., 1965. С. 10.
2. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. С. 27.

3. *Лукреций*. О природе вещей / Пер., вступ. статья и комментарии Ф.А. Петровского. М., 1958.
4. *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречения знаменитых философов, X, 150.
5. *Боровский Я.М.* Вопросы общественного развития в поэме Лукреция // Древний мир. Сборник статей, посв. академику В.В. Струве. М., 1962. С. 482-483.
6. *Лурье С.Я.* Демокрит. Тексты, переводы, исследования. Л., 1970. 559.
7. Более подробно см.: *Лурье С.Я.* Демокрит, Эпикур и Лукреций // Лукреций. О природе вещей. Т.2. М., Л., 1947. С. 121-146.
8. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Ранний эллинизм. М., 1979. С. 293.
9. *Марковников В.И.* Идея культурно-исторического развития в поэме Лукреция // Научное слово. 1903. №10. С. 106.
10. *Хейзинга Й.* В тени завтрашнего дня // Он же. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992. С. 245.
11. *Васильева Т.В.* Оглянись в недоумении // Она же. Комментарии к курсу античной философии. М., 2002. С.330.
12. *Марсель Г.* К трагической мудрости и за ее пределы // Самосознание европейской культуры XX века. М., 1991. С. 357.
13. *Гай Саллюстий Крисп.* Заговор Катилины, IX.
14. *Гесиод.* Труды и дни, 176-178.
15. *Сенека.* Нравственные письма к Луцилию, 90, 6-13; 20-25; 30-32.
16. *Владимирский Ф.С.* Антропология и космология Немезия, епископа Емесского, в их отношении к древней философии и патристической литературе. Житомир, 1912. С. 213-214.